

Чудомех В.Н. “УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЯХ” ПЛАТОНА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗАМЫСЛА И СОЗДАНИЯ

Очевидная интервальность или “волнообразность” развития познания мира является закономерным следствием традиционности и взаимовлияния таких отчётливых направлений научной мысли, как критико-аналитическое (обобщение результатов научного “творчества”, прошлого и настоящего) и креативное (непосредственное “творение” - синтез “нового”). Необходимость и значимость их одновременного бытия для развития познания мира наиболее ярко выявляют периоды множественных “научных кризисов” (кажущегося исчерпания “потенциала прошлого” - “краха” традиционных научных парадигм). Не исключение и современная философия. В её развитии совершенно отчётливы как критическое осмысление её “метафизического прошлого” (“традиционных” тем, проблем, подходов и категориально-понятийного аппарата), так и поиск оснований для “новой философии” (введением “новых” тем и проблем, а также “новой терминологии”).

Главная цель обращения автора к наследию Платона - поиск “истинного начала” идеализма, а предназначение данной статьи - стать фундаментом для возможного синтеза “новых идей бытия” (путём критического анализа и обобщения всех их видов: философских, естественнонаучных и религиозных). Актуальность “обращения к Платону” также в том, что его демиургическая концепция мироздания популярна более 2-х тыс. лет и она многократно модифицировалась, но предложенный им подход к познанию “мира” - как целокупного бытия “идей” и “вещей” - своего возможного развития пока не получил.

Наиболее просто предположить, что возможность “бинарного” познания “мира” оказалась незамеченной или он показался нерациональным, но это предположение не выдерживает критики. Путь к постижению “истины вещей” у Платона совершенно отчётлив - их сущность скрыта в “идеях”: “идеи” - это “образы вещей”, “вещи” - суть подобия “идей”, а причастность “вещей” к “идеям” заключается ни в чём ином, как в уподоблении “идеям” (1, с. 354).

Возможно причина всё-таки в другом? Возможно в том, что “Учение об идеях” не формализовано в целостном виде, а его фрагменты, размещённые во многих трудах Платона, не всегда и не во всём последовательны? Несомненно затрудняет понимание “Учения об идеях” Платона и специфика его изложения: а) основные положения “Учения” “вкраплены” во множественные разноплановые диалоги и чаще даны в иноказательной форме; б) в обосновании этих положений преобладают аналогии, многие из которых, по современным меркам, достаточно произвольны. С сожалением приходится констатировать, что корректного изложения “Учения об идеях” Платона не существует. Есть переводы его фрагментов и комментарии к ним (интерпретации взаимосвязи фрагментов), но все это, так или иначе, “дистанцировано” от “подлинного Платона”. Образно говоря, бытующие интерпретации базисных положений “Учения об идеях” Платона “многолики” - они разнятся “духом интерпретации”.

Задача проводимой ниже реконструкция замысла и создания “Учения об идеях” Платона - убрать исторические наслоения “интерпретаторов” и, “приблизившись к Платону”, представить “доподлинно” - что хотел в нём сделать Платон, что смог, и почему он делал именно так. Проведённая реконструкция базируется на источниках [1] и [2], при этом хронология приведённых в них произведений Платона исходно принята достоверной, а также на рекомендации К. Рейнгардта: история философии - это история её проблем и если вы хотите понять, например, Гераклита, сначала узнайте о его проблеме (3, с. 269).

Предпосылки “Учения об идеях”. Мировоззренческой концепции Платона предшествовали: а) учение о бытии Гераклита (всё течёт, изменяется и находится в становлении, подчиняясь Логосу); б) учение о бытии Парменида (реальное бытие неизменно и невидимо, но умопостигаемо, изменяясь лишь зримые вещи - отражение безвидного); в) учение о бытии Анаксагора (всему в мире сообщает порядок и всему причиной служит “Ум”). В своих трудах Платон упоминает и других философов, но вероятнее всего “Учение об идеях” мотивировано именно вышеприведёнными и основано, главным образом, на них: а) их известные постулаты - явные исходные конструкты “Учения” Платона; б) несмотря на некоторые отличия в формулировках, эти конструкты вполне совместимы; в) для совмещения их в единое целое требовалось сравнительно небольшое - найти принцип этого совмещения и убедительно обосновать.

“Проблема Платона”. Представив наиболее вероятные предпосылки и основания “Учения об идеях”, конкретизируем его мотивацию - возможную “проблему Платона”. Тематика диалогов, приведённых в источниках [1] и [2] довольно широкая, но во многих из них анализируются отношения “бытие-небытие”, “единое-многое”, “неизменное-изменчивое”, “подобное-неподобное”. В упомянутых учениях Гераклита, Парменида и Анаксагора мы обнаруживаем практически те же древнегреческие категории, а также попытки дать им определение. Что же в них осталось безответным? Вкратце выделим наиболее существенное:

а) У Гераклита устойчивость “вещей” обоснована соразмерностью некоему невидимому и постоянному потоку бытия, но отношение “вещей” к этому потоку дано в аллегории - как тезис, не имеющий основания;

б) Парменид, постулировавший наличие двух видов бытия, неизменного безвидного и уподобляющегося ему зримого, представлял это “уподобление” как естественное “устремление” зримого к совершенству безвидного, но причину этого “устремления” обосновать не смог;

в) У Анаксагора “Ум” и “бытие вещей” логически жёстко не связаны - “порядок вещей” ни к каким причинам не возводится, а просто приписывается: воздуху, эфиру, воде и многому иному (1, с. 57).

“Федон” - начало “Учения об идеях”. Рассматривая в вышевыделенном контексте диалоги “Федона”, можно заметить - в них очень тщательно анализируются все возможные подходы к проблеме “уподобления зримого невидимому” (нерешённой Гераклитом и Парменидом). С этой целью априори принимается наличие двух видов мировых сущностей: “безвидного и всегда неизменного, постижимого в размыш-

лении” и “зримого, непрерывно меняющегося, воспринимаемого чувственно” (1, с. 34). Исходя из этого, далее рассматриваются: а) отношения “душа-тело” (душа бессмертна, близка к божественному, она “владеет” и управляет телом); б) отношения “знаний” - чувственного и истинного; в) отношения “единое - многое” (в контексте “подобия”); г) предположения об истоках “вещей” (о “порождающих” причинах “вещей”); д) отношения двух видов бытия - “сущего” и “не-сущего” (субстратного начала “сущего”).

В конце дискуссии собеседники склоняются к мнению: на чисто понятийной основе причину “уподобление зримого безвидному” найти не удастся, нужен другой путь - попытаться представить это “уподобление” в принципе, в его осуществлении (1, с. 59). В общем виде формулируется и сам принцип - “прекрасное причастно прекрасному”: “...ничто иное не делает вещь прекрасною, кроме присутствия прекрасного самого по себе или общности с ним, как бы она не возникла...” (1, с. 59).

Платон доволен результатами дискуссии: “...надёжнее ответа нельзя, по-моему, дать ни себе, ни кому другому. Опираясь на него, я уже не отступлюсь. Да, я надёжно укрылся от опасностей, сказавши себе и другим, что прекрасное становится прекрасным благодаря прекрасному...” (1, с. 60). Радость переполняет Платона и его “озаряет”: “...единственный путь, каким возникает любая вещь, - это её причастность особой сущности, которой она должна быть причастна...”. Он готов закричать во весь голос: “Я нашёл!” - если в дальнейшем мне потребуется другое и лучшее основание, их уже можно будет сопоставлять и сравнивать (1, с. 60-61). Но найден лишь путь к решению проблемы, к тому же природа “особой сущности”, к которой должны быть причастны “вещи”, пока неопределённа.

Что же предпринимает Платон? Последующие диалоги “Федона” отличны от проанализированных ранее - в них не столь отчётливы цели дискуссии, много рассуждений и бездоказательных суждений. Тем не менее, предисторию этих диалогов мы уже выяснили и оснований для их корректного обобщения в интересующем нас контексте вполне достаточно. Очевидная цель собеседников - найти возможность шага вперёд. Отсюда - сужение тематики дискуссии и переход к обсуждению: природы “вещей”, отношений между “вещами” и восприятия “вещей” человеком - как воспринимаются “вещи” и как они “мыслятся” (1, с. 61-67).

Новый раздел дискуссии начинается с обоснования опорного тезиса - у “вещей” две “идеи”: “частная” (её конкретный “образ”) и “родовая” (то, что едино во всех её подобиях). Далее подробно анализируется: почему подобны многие “вещи”, почему подобные “вещи” могут иметь отличия, почему так устойчивы “родовые идеи вещей”? (1, с. 61-67). Убедившись, что все “вещи”, как и “частные идеи вещей”, преходящи, а “родовые идеи вещей” каким-то образом сохраняются и воспроизводятся, собеседники склоняются к признанию: а) существует что-то неизменное, изначально овладевающее “вещью” в становлении и являющееся в подобии “вещей” как “единое” во “многом”; б) это неизменное может представлять собой нечто иное, как “родовые” - “неуничтожимые идеи вещей”.

Термин “идея” впервые появляется в “Федоне” именно в этой части дискуссии, в одной из фраз Федона: “...Помнится...Симий и Кебет... признали, что каждая из идей существует и что вещи в силу причастности к ним получают их имена...” (1, с. 61). В последующих рассуждениях о признаках чисел Сократ применяет уже словосочетания: “идея чётности / нечётности чисел”, “идея дробного / целого числа” (1, с. 65), “идея жизни” (2, с. 68). Что же подразумевается под “идеями” в “Федоне”? Предположительно и по сути это общепринятое “понятие” о вещах или явлениях - их специфицирующий “опознавательный образ” (совокупность признаков, выделяющая в общем многообразии и позволяющая идентифицировать).

“Пир”. Тематика диалогов “Пира” кажется весьма далекой от “проблемы Платона”. Тем не менее, это следующий этап её решения - поиск “неизменного”, той “особой сущности”, которая, как признано в финальной части “Федона”, изначально овладевает “вещью” в её становлении. В “Пире” Платон опять возвращается к постулату Парменида об “устрелении”, о “влечении вещей” к совершенству. На основе мифа о расчлнённых андрогинах, ищущих свои “половинки”, подробно анализируются: стороны-участники “влечения”, их отношения в этом “влечении” и цели, которые ими преследуются. Как итог этого анализа, выводы: а) любовь - это жажда целостности и стремление к ней; б) предметом вождления любящего является то, в чём он страстно нуждается (1, с. 101), но стремится он к “прекрасному” - не “безобразному” (1, с. 110).

Далее собеседники начинают другую тему - “творение прекрасного в стремление продлить его, порождая “подобия” (1, с. 117-120). Анализ вариантов “творения прекрасного” завершает совершенно замечательный вывод в форме “восхождения к истинно прекрасному”: “...кто, наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, ...ради чего и были предприняты предшествующие труды...”. Прекрасное предстанет ему не в чём-то известном в частях, “...а само по себе, ... в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает...” (1, с. 121).

Дискуссии “Пира” оправдали надежды Платона и он иносказательно, но явно, формулирует свою дальнейшую задачу: “...вот каким путём нужно идти в любви - самому или под чьим-то руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо всё время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх - от одного прекрасного... ко всем, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и познаешь, наконец, что же это - прекрасное...” (1, с. 121-122).

“Федр”. Главная тема диалогов “Федра” - “движение”. Собеседники рассматривают - что является его носителем, что движется само, а что движимо, и приходят к выводу: а) всякая душа бессмертна, ведь вечнодвигательное бессмертно; б) только то, что движет само себя и не убывает, никогда не перестает двигаться, служит источником и началом движения для всего остального, что движется; в) это начало не

имеет возникновение (из него возникает всё возникающее, а само оно ни из чего не возникает). Если бы оно возникло из чего-либо, то уже бы не было началом, а так как у него нет возникновения, то оно и не-уничтожимо (1, с. 154).

Проведённая дискуссия убеждает Платона - да, бессмертные “крылатые души” людей, воспаряясь к божественному, действительно могут увидеть искомую им “занебесную область”, которую “...не воспел никто из поэтов, да никогда и не воспёт по достоинству...”. И он уверенно заключает: “...надо наконец осмелиться сказать истину: эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души - уму...” (1, с. 156).

“Тезтет”. В диалогах “Тезтета” отчётливо продолжено намеченное Платоном в “Пире” и “Федре”. В них детально анализируются основные постулаты “прекрасных учений” великих “мудрецов”: Протагора, Гераклита, Эмпедокла и Гомера. В ходе этих диалогов последовательно критикуются: а) постулат Протагора “мера всех вещей - человек” (“меры” и “истины” всегда относительны); б) постулат Гераклита “всё течёт и изменяется” - есть два вида движения: изменение самой “вещи” (“текучесть”) и перемещение “вещи” (“движимость без изменения”). Отмечается также наличие учений Мелисса, Парменида и других философов, утверждающих, что “всё едино и неподвижно” (противоположное Гераклиту), которые также нуждаются в критике. Однако, по признанию Платона, “страшнее их всех один Парменид”, вызывающий “и почтение, и ужас” своей скрытой, “благородной глубиной” (1, с. 241). Учения, упомянутые последними, собеседники почему-то не обсудили.

“Софист”. Причина этого проясняется в диалогах “Софиста”. В образе их главного участника - “Чужеземца из Элеи”, “друга последователей Парменида и Зенона” - вполне узнаваем сам Платон (1, с. 275), который активно оппонирует Пармениду и главному тезису его учения: “Этого нет никогда и нигде, чтобы не-сущее было” (1, с. 301).

В ходе дискуссий Чужеземец стремится доказать, что существует как “сущее”(бытие), так и “не-сущее” (небытие). Ведь наряду с “вещами” есть и “отражения вещей” (в чувственно-умозаключительных “образах”, в зеркальных и прочих “копиях”), которые не “истинны”, т.е. не являются “подлинными вещами”. Чтобы подвергнуть испытанию упомянутый тезис Парменида им выдвигается “безумный” антитезис: “небытие в каком-либо отношении существует, а бытие каким-то образом не существует” (1, с. 308). Обосновав его правомочность с помощью категорий “единого” и “целого”, Чужеземец доказывает: “бытие и небытие относительны” (1, с. 309-313). На этом он не останавливается и упоминает о наличии другого подхода к бытию: есть настаивающие на том, что “...истинное бытие - это некие умопостигаемые и бестелесные идеи; тела же ...они... называют не бытием, а чем-то подвижным, становлением...” (1, с. 314). Исходя из многообразия подходов к “бытию”, Чужеземец считает необходимым найти определение - что означает “существовать”? и предлагает исходное: “оно есть ничто иное, как способность к страданию или действию” (1, с. 316).

В ходе дальнейшей дискуссии собеседники убеждаются - существующее значительно богаче в проявлениях и создаётся богатство этих проявлений “движением”. “Движение” в их представлении (по отношению к бытию) - это “иное”, оно и небытие и бытие. Завершают эту часть дискуссии принципиальные выводы: а) “...распространяющаяся на всё природа иного, делает всё иным по отношению к бытию, ... мы по праву можем назвать всё без исключения небытием и в то же время, так как оно причастно бытию, существующим...”; б) “небытие” не противоположно “бытию”, оно “иное” (1, с. 329); в) и, с точки зрения бытия, не уступает ничему другому. “...Должно смело теперь говорить, что небытие, бесспорно, имеет собственную природу...” (1, с. 331). В этих выводах не только историческое преодоление “авторитета Парменида”. Отважившись сказать: “...каждая часть ...иного, противопоставленная бытию, и есть действительно то самое - небытие...”, Платон сделал ещё один шаг вперёд - число конструктов “Учения об идеях” расширилось (1, с. 332).

Окрылённые удачей, участники дискуссии пытаются продвинуться ещё дальше и выдвигают исходные тезисы: а) всё существующее есть следствие божественного творческого искусства; б) всё ранее не существовавшее возникает благодаря некой иной созидательной деятельности (не бога); в) всё существующее возникло в силу какой-то самопроизвольной причины - без участия разума (1, с. 341). Но эта попытка была недолгой - признав, что существуют два принципиально отличных вида творчества, создающее и подражательное, утомлённые собеседники распрощались.

“Парменид”. Платон уже преодолел свою “боязнь Парменида”, он готов к “очной встрече” и “встречается с ним” - в воображаемой дискуссии очень старого, но “красивого и представительного” Парменида с “молодым” Сократом и его друзьями (1, с. 347). Цель Платона в этой дискуссии очевидна - ещё раз оценить “с точки зрения Парменида” исходные тезисы своего “Учения” (“Прав ли я?”) и решить: “что делать дальше?” (“Могу ли я идти вперёд, уже не оглядываясь назад?”). Воображаемую дискуссию начинает обращение Парменида к Сократу: “...ты полагаешь, что существуют определённые идеи, названия которых получают приобщающиеся к ним вещи; например, приобщающиеся к подобию становятся подобными, к великости - большими, к красоте - красивыми, к справедливости - справедливыми?...” и просит уточнить: “...каждая приобщающаяся вещь приобщается к целой идее или к её части? Или возможен какой-либо иной вид приобщения...?” (1, с. 351).

В ходе дискуссии Парменид находит упущения в Сократовом представлении отношений “идей” и “вещей” и Сократ уточняет: “...Мне кажется, Парменид, что дело, скорее всего, обстоит так: идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается ни в чём ином, как только в уподоблении им...” (1, с. 354). Парменид выражает сомнения в бытии “идей-самих-по-себе”, пытается обосновать свои сомнения исходя из своего учения, но вскоре признаёт - для анализа предложенного Сократом необходимо применить другой, неординарный подход (1, с. 357).

Собеседники соглашаются и, рассматривая отношения “единое-многое”, “части-целое”, “предельное-беспредельное”, “подобное-неподобное”, “тождественное-неотождественное”, “единое-иное”, последовательно формулируют: а) что такое “единое-вообще” и “единое-в-существовании” (1, с. 358-377); в) что такое “не-единое”, т.е., “другое” (“иное”); г) принципы приобщения к “бытию” “единого” и “другого” (1, с. 392-400). На этом дискуссия практически завершилась, её длительность, вероятно, утомила Парменида, да и цель достигнута - обосновано и доказано: а) бытие “иного”, которое: “... нигде и никаким образом не имеет никакого общения ни с чем из несуществующего...” (1, с. 411); б) “...у иного нет ни мнения о несуществующем, ни какого-либо представления о нём и несуществующее решительно никак не мыслится иным...” (1, с. 412).

“Филеб”. Завершив “Софиста”, Платон, по всей видимости, решил изменить свою прежнюю тактику - всё, достаточно, пора переходить к причинам “вещей”, их “возникновения” и “порядка”. Отсюда и заявленная цель дискуссий “Филеба”: представить первоначальное единство бытия не просто как единое, многое и беспредельное, но как количественно определённое - “... теперешние мудрецы устанавливают единство как придётся - то раньше, то позже, чем следует, и сразу после единства помещают беспредельное; промежуточное же от них ускользает...” (2, с. 13).

Цель обозначена, но как её приблизить?. Исходно уточняются: принцип возникновения “многого” - предельного в беспредельном, отличного в существовании некими признаками (2, с. 20-25) и подход к причине “вещей” - причине их “возникновения”. Помимо этого и на его основе, собеседники выделяют такие четыре “рода вещей”, как: беспредельность, предел, сущность и “Ум” (Царь неба и земли). Но есть сомнения - в таком ли порядке они расставлены? Кроме того, широко известны иные четыре “рода вещей”: огонь, вода, воздух и земля (2, с. 28). Принимается компромиссное решение: эти две группы “родов вещей” считать соотносящимися друг с другом как “душа” и “тело”, а достаточность и порядок выделенных “родов вещей” обсудить в дальнейшем.

Согласившись с древними мудрецами в том, что причиной “вещей” и “порядка” во Вселенной является “Ум” (2, с. 30), участники дискуссии переходят к “гармонии” - “ума”, “души” и “тела” (исходя из категорий “здоровье”, “благо”, “удовольствие” и т.п.). Выявив, что “удовольствия” бывают двух видов, “истинные” и “ложные”, собеседники ищут их основания и приходят к мнению: а) память, направленная на то же, на что направлены ощущения, и связанные с этими ощущениями впечатления, как бы “записывают” в нашей душе соответствующие речи; б) когда такое впечатление “записано” правильно, то наши мнения могут быть “истинными”, если же “наш писец” делает ложную “запись” - наши мнения “не-истинны”. Но как различить эти “записи”? Ведь за “писцом” следует “живописец” и “...чертит в душе образы названного...” (2, с. 42-43).

Последовавший поиск критериев “истинного” и “не-истинного” разочаровал собеседников - “истинное” и “не-истинное” всегда “смешаны” (и в “теле”, и в “душе”) - и они меняют тактику, концентрируют внимание лишь на том, что “подлинно истинно”. Таковы, например, геометрически правильное прямое и круглое, в т.ч., поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом с помощью измерительного инструмента - т.е., то, что “прекрасно само по себе”. Оказывается в мире “смешано” не всё, есть и “чистое” - “прекрасное само по себе” и заметно выделяющееся в “смешанном”. Но почему оно ни с чем не смешивается? Собеседники выдвигают поисковый тезис - есть два “начала”: одно всегда почтенное (само по себе) и другое - уступающее ему в достоинстве и вечно стремящееся к “иному”. “...Одно всегда существует для другого существующего, другое же - это то, ради чего всегда возникает возникающее...”. Сочтя, что этих “начал” недостаточно, участники дискуссии соглашаются добавить к ним ещё два: “бытие” и “становление” (2, с. 58-62).

Поскольку “становящееся” всегда переходящее и за “становлением” следует разрушение, дискуссия переходит в анализ: зачем и как становящееся становится. В качестве возможных целей становления становящегося принимаются “благо” и “стремление к прекрасному”, а в качестве способов их достижения (применительно к человеку) - подражание (уподобление), упражнение по развитию навыков, опыта и способностей. Само “становление” (признано ими ранее) - это “искусство творения”, а его результаты определяет “мера”, степень приближения к некому “об-разцу”. Исходя из этого, в ряду “искусств творения” участники дискуссии особо выделили строительное: “...оно пользуется многочисленными мерами и орудиями, которые сообщают ему большую точность и ставят его выше многих наук. ...Ибо оно применяет отвес, токарный резец, циркуль, плотничный шнур и хитро сделанный прибор - тиски...” (2, с. 65).

Аналогично собеседники подразделяют и науки, отмечая наиболее трудное положение у того, кто “...что изучает природу, ...исследует ...космос, как он возник, что он претерпевает и как творит...”, ведь его труд затрачивается “...не на вечное бытие, но на возникающее, должствующее возникнуть и возникшее...”. На вопрос Сократа: “...вправе ли мы... назвать что-либо из этого ясным в смысле точнейшей истины, коль скоро здесь никогда не было, не будет и в настоящем ничего тождественного?...”, некоторые из участников дискуссии выражают мнение, что “...получить что-либо устойчивое относительно того, что не содержит в себе никакой устойчивости...невозможно...” (2, с. 68).

В дискуссии наступает кульминационный момент - “...Стало быть, нет такого ума и такого знания, которые обладали бы высшей истиной относительно...” “возникающего, становящегося и погибающего”? Снова поиск и ответ находится: “...и знание отлично от знания, поскольку одно направлено на возникающее и погибающее, другое же на то, что не возникает и не погибает, но вечно пребывает тождественным и неизменным...”, ведь относительно “истины” последнее знание более подлинно, чем первое (2, с. 71). Ответ найден, но в нём опять вопрос - как же в “смешанном” выделить “чистое”? И можно ли “угадать идею этой смеси”?

Предположение, что причина “смешения” обнаруживается просто - “смесь” либо ценна сама по себе, либо решительно ничего стоит - критики не выдержало. “...Всякая смесь, если она не причастна мере..., неизбежно губит и свои составные части, и прежде всего ...себя. Ибо при таких условиях это не смесь, но

поистине какая-то беспорядочная масса...”. Как выход из тупика - предложение: если на основе одной “идеи” причину “смеси” постичь трудно, значит нужно попытаться на основе трёх “идей”: “красоты”, “со-размерности” и “истины” - сложив их воедино (2, с. 75).

Предложение принимается и участники дискуссии приступают к обсуждению - чему могут быть причастны эти три “начала становления” (сначала беря их порознь) и выясняют, что в максимальной степени, и все вместе, эти “начала” причастны “уму”. Сочтя прошедшую дискуссию достаточной, собеседники в итоге расставляют рассмотренные “начала становления” в следующем порядке: 1) мера, умеренность и своевременность; 2) прекрасное; 3) ум и разумение; 4) знания, искусство, правильное мнение; 5) чистые удовольствия души, от знаний и ощущений (2, с. 77).

“Государство. Книга шестая”. Продолжение “Учения об идеях” возникает в этом труде Платона как-бы случайно, в ходе дискуссии о должном качестве знаний “стража государства и закона” (2, с. 286). Исходя из важности государственной задачи “стража”, “знание” рассматривается не в общих чертах, как было ранее, а напротив, без упущений и с величайшей тщательностью. Принимаются два исходных тезиса:

а) всё видится лучше при ярком свете и хуже во мраке, так и душа - “...когда устремляется туда, где сияют истина и благо, она воспринимает их и познаёт... Когда же...уклоняется в область смешения со мраком, возникновения и уничтожения, она... становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума...” (2, с. 291);

б) есть две области познания, умопостигаемая и зримая, и, соответственно, два подхода к познанию умопостигаемого: на основе видимых образов “становящегося”(поиском его предпосылок) и восхождением к его “беспредпосылочному началу” - к его “идее”(2, с. 292-293).

Участники дискуссии констатируют естественность первого подхода к познанию умопостигаемому (“душа” не в состоянии выйти за пределы предполагаемого и вынуждена пользоваться “образными подобиями, выраженными в низших вещах”), а также чрезвычайную сложность второго подхода - возможного лишь на основе диалектической способности разума. Ведь “...свои предположения он не выдаёт за нечто изначальное, ...они для него только...подступы...к началу всего... Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении...” (2, с. 293). Собеседники отдают должное второму подходу (“бытие и всё умопостигаемое при помощи диалектики можно созерцать яснее”) и решают рассмотреть его подробнее (2, с. 294).

“Государство. Книга седьмая”. Дискуссия продолжается и её участники склоняются к мнению - возможности обоих обсуждаемых подходов к познанию умопостигаемого ограничены. Во-первых: “область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу”, а мы, подобно его “узникам”, можем судить о “вещах” лишь по “теням” - их “подобиям”. Во-вторых: то, к чему мы стремимся в познании умопостигаемого отчётливо различимого предела не имеет. В-третьих, просвещённость у людей разнится. У одних душа пришла из более светлой жизни и потому омрачена, у других наоборот - вышла из невежества к светлой жизни и ослеплена сиянием. Но выход есть - стремящийся к мудрости должен научиться использовать разум, орудие познающей души (2, с. 295-299).

Каким же образом и с помощью чего можно вывести познающего к свету? (2, с. 303). Собеседники выявляют - способствуют этому многое и в совокупности: а) рассуждение и размышление о познаваемом (2, с. 306); б) искусство счёта - обращающее душу к истинному бытию (2, с. 308); в) геометрия - дающая знание вечного бытия (2, с. 310); г) астрономия - направляющая душу к небесному узору, прекрасному пособию для изучения подлинного бытия (2, с. 312-313); д) диалектический метод - главный в этой совокупности средств познания умопостигаемого. Он освобождает от вынужденного созерцания “теней” и ведёт к познанию “истинного бытия”, его совершенных “божественных образов” (2, с. 316). В условиях, когда начало неизвестно, а заключение и середина состоят из того, что нельзя сплести воедино, “...лишь диалектический метод придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначалу с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает... взор нашей... души и направляет его ввысь...”, а остальные перечисленные средства, ограниченные в возможностях - всего лишь его “помощники”(2, с. 317).

“Тимей” - обобщение и развитие предшествующего. Вполне вероятно, что предыдущие “дискуссии” удовлетворили Платона и он решает на “монолог Тимея” - “самого глубокого знатока астрономии” и природы всех “вещей” (2, с. 431). В ходе повествования о возникновении и устройстве Вселенной, Тимей практически не интересуется мнением “слушателей”, да и вопросы их крайне редки. Очевидная задача, поставленная Платоном в “Тимее”, - представить уже обоснованную, целостную “картину бытия”: “вечно сущего” и “возникающего становящегося”. Это представление значительно по объёму, поэтому ниже выделены только базисные его фрагменты - относящиеся к “Учению об идеях” очевидно.

“Монолог Тимея” предваряет вступление: а) есть два вида бытия - “вечно тождественное, не имеющее возникновения” и “вечно возникающее, никогда не сущее”; б) возникающее должно иметь причину своего возникновения, ибо без причины возникнуть невозможно; в) “...если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берёт его в качестве первообраза при создании идеи или свойств данной вещи, всё необходимо выйдет прекрасным, если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным...”; г) всеобъемлющее небо, можно назвать порождённым космосом - он зрим, осязаем и телесен; д) его творца и родителя отыскать нелегко, но первообраз космоса бесспорно был вечным - ведь он “...прекраснейшая из вещей, а его демиург - наилучшая из причин...”; е) поскольку мы люди и, рассуждая о Вселенной, полной достоверности достичь не можем, “...нам приходится довольствоваться...правдоподобным мифом...” (2, с. 432-433).

В этой части “монолога” есть фраза, которая явно противоречит “Учению” Платона: “...пожелавши, чтобы было всё хорошо и...ничто по возможности не было дурно, бог позаботился обо всех видимых ве-

шах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; он привёл их из беспорядка в порядок, полагая, что второе, безусловно, лучше...” (2, с. 432-434). Из неё можно сделать вывод, что “вещи” были изначально и бог лишь “расставил” их – во имя “блага”. По всей видимости, это неточность в переводе – из дальнейшего текста становится ясным, что к упомянутым неупорядоченным “вещам” отнесены “телесные начала” Вселенной: огонь, воздух, вода и земля (2, с. 451).

Акт творения “космоса”, описанный в “Тимее”, интересен, прежде всего, впервые приведённым принципом “смешения” умопостигаемого и зримого. “Вечносущий бог” сделал это следующим образом: “...из сущности, которая неделима и вечно тождественна, и той, которая претерпевает разделение в телах, он создал путём смешения третьей, средний вид сущности, причастный природе тождественного и природе иного... Затем, взяв эти три [начала], он слил их в единую идею, силой принудив не поддающуюся смешению природу иного к сопряжению с тождественным...” (2, с. 437). По мнению Платона, “звёзды” сформированы аналогично – “... после того, как они...стали живыми существами и уразумели порученное им дело, они начали вращаться вдоль движения иного, которое наискось пересекает движение тождественного и ему подчиняется...” (2, с. 441).

Также в “Тимее” впервые представлена “природа иного” – “темная и трудная для понимания” (2, с. 451). “Природа иного” у Платона многогранна: а) это “мать” всякого рождения – она воспримет любые “оттиски”, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в неё входит. Входящие же и выходящие из неё вещи – это подражания вечносущему, “отпечатки по его образцам”, снятые удивительным и неизъяснимым способом; б) её следует называть самотождественной, ибо воспримля всё, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы – в противном случае все “отпечатки образцов” были бы искажены наложениями форм “иного”; в) “иное” – это незримое и бесформенное, чрезвычайно странно участвующее в мыслимом и до крайности неуловимое: “огонь” – его воспламеняющаяся часть, “вода” – увлажняющая, а “земля” и “воздух” – это те его части, которые им подражают (2, с. 452-454).

В этом месте описания “творения космоса” выражается мысль о необходимости признать: а) есть тождественная идея – нерождающаяся, негибнущая, ничего не воспринимающая в себя и сама ни во что не входящая, незримая и не осязаемая, но умопостигаемая; б) есть нечто подобное ей и носящее её имя – осязаемое, рождённое, вечно движущееся, возникающее в некоем месте и исчезающее из него, воспринимаемое посредством мнения, соединённого с ощущением; в) есть пространство – вечное, дарующее обитель всему рождающемуся, воспринимаемое посредством умозаключения: всякому бытию надлежит быть где-то, в каком-то месте и каком-то пространстве. И сразу же, вслед за этим, её обобщение в кратких энергичных выводах: а) есть бытие, есть пространство и есть возникновение, которые возникли порознь ещё до рождения “неба”; б) их первоначальную несвязанность с “иным” мог преодолеть лишь бог, сочленивший их “умом” – с помощью “образов”, “меры” и чисел (2, с. 456).

Заключение.

1. “Учение об идеях” Платона бивариантно: во-первых, оно самодостаточно (проблема Платоном выявлена, поставлена и решена), а во-вторых, является неотъемлемой частью его общей, демиургической концепции мироздания, служит принципиальной основой для выбора её исходных структурных элементов и исходным обоснованием “истинности” – их представленных взаимодействий и взаимоотношений.

2. “Учение об идеях” Платона мотивировалось трудами его предшественников и очень многое из этих трудов доработано им бережно и эффективно. Но продвинуться вперёд он смог лишь отойдя от их традиций, от уже тогда тупикового “понятийного умозерцания мира” к активному представлению его “истинного строения” – как “возник” “мир”, из чего и как он “строился”.

3. Демиургическую концепцию мироздания Платона следует рассматривать именно в этом логическом ключе – любому “строительству” всегда и необходимо предшествуют: “строитель” (“демиург”), “чертежи-образцы” (“идеи”) а также то, из чего “строить” (“иное”). Эта же логика и в обосновании Платоном “существования небытия” – всё, что нужно для “строительства мира” уже было, а самого “мира” ещё не было.

4. У Платона “мир вещей” являет собой прямое или косвенное отражение “вечносущего” (“демиурга”) и “вечно тождественного” (“идей демиурга”) в “ином”. Находясь в “безобразном движении”, оно преобразуется в “прекрасные вещи”, “пересекаясь” с “вечно тождественным” – во “времени” и “пространстве”. Эта модель возникновения и бытия “мира” довольно проста и понятна, однако многие принципиальные моменты в её “функционировании” приняты априори или даны в аллегории. Так, например, “вечно тождественное и прекрасное” расположено в некой неопределённой области (чего?), кроме того, его отношения с “иным” прописаны недостаточно чётко (Как “иное” уподобляется “образу”? Если “само”, то почему? Если требуется некая “сила”, то какая? И т. д.).

5. Тем не менее, нельзя не восхититься умом и талантом Платона – живя в “донаучный” период, он в своих трудах основывался лишь на аналогиях, мифах и логических умозаключениях. Методологический же потенциал “Учения об идеях”, в частности, многих тезисов Платона о “бытии идей” и “возникновении вещей” “скрывался” от научного внимания почти до конца XIX в. и стал понятным лишь в XX в. – с появлением и развитием синергетики, науки о “возникновении процессов и вещей”.

Источники и литература

1. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. -М.: Мысль, 1999.
2. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. -М.: Мысль, 1999.
3. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Пер. с англ. -М.: ООО “Издательство АСТ”: ЗАО НПФ “Ермак”, 2004.